

New Books

Teresa Toranska. From They. Interview with
Yakub Berman — Part 2 151

Zhores Medvedev. From Gorbachev. Internal
and Foreign Policy 201

Our Archive

Richard T. Davies. From the Letter to the
Editors 241

James Brown Scott. The Founding Documents 242

The Constitution of the USA 261

A. T. Vassilyev, Rene Fulop-Miller. Ochrana 293

About Authors 302

СТАТЬИ

Н. Берегов

ГОРБАЧЕВ, БЕЗУСЛОВНО, РЕФОРМИСТ

(Из письма в редакцию)

Судя по доходящим до Москвы западным журналам и газетам, вокруг „горбачевской России” ведется довольно забавная дискуссия. Западные журналисты превозносят Горбачева-реформатора и рассуждают про новое динамичное и компетентное руководство в СССР, подчеркивая, однако, что не следует ожидать серьезной демократизации или либерализации и вообще все в главном остается по-старому. Эмигранты из всех сил стараются это опровергнуть и подчеркивают, что Горбачев такой же, как и предыдущие деятели, что он вовсе не реформатор, что ничего не меняется и т. д. Даже некоторые левые выступают в этом духе. На деле, мне кажется, сама идея полемики „реформатор ли Горбачев” возникла из непонимания подлинной ситуации здесь.

То, что Горбачев реформист — несомненно. Это говорит-ся им самим совершенно открыто. Между прочим: речи Генерального секретаря подвергаются в печати цензуре. Наиболее острые и откровенные реформистские места сглаживаются или вымарываются. Текст, который мы слышим по телевидению, отличается от того, который вы можете потом прочитать в газете. Так, например, было с хабаровской речью, где лидер КПСС жаловался, что поскольку у нас нет оппозиционной партии, мы никак не можем наладить организацию критики... Это, впрочем, курьезы. Речь о другом.

Итак, Горбачев, безусловно, искренний реформист. Пробле-

ма в другом: что это за реформизм, чего он хочет, что он может, на кого опирается, на какие силы, на какой тип людей и т. п. Увы, этот вопрос даже не ставится, а жаль. Почему до сих пор горбачевский курс остается реформизмом без реформ? Мне кажется, дело обстоит достаточно просто.

У самого Горбачева есть реформистские намерения, но нет ни проекта, ни стратегии. Он опирается на достаточно разнородную коалицию политических групп. При этом ему не хватает ни авторитета, ни воли, чтобы добиться единства и динамизма среди своих сторонников. Все реформисты более или менее ориентируются на венгерскую модель (только некоторые радикальные эксперты, не имеющие реального влияния на аппарат, проявляют интерес к самоуправлению в югославском духе). Но даже между ними нет согласия по поводу того, какими путями можно осуществить „венгеризацию” советской системы и как далеко можно зайти в этом направлении...

Между тем правые явно перестроились и объединились. Две консервативные фракции — брежневцы и лигачевцы (соответственно: патриархально-феодалная и авторитарно-динамичная) — фактически уже слились. Технократы, считая, что всего необходимого они уже достигли, объединяются вокруг Рыжкова, примыкая к консерваторам. Иными словами, наверху антиреформистский фронт формируется быстрее реформистского. Триумвират Алиев, Лигачев, Рыжков — центр притяжения правых в Москве. Но еще важнее то, что происходит в провинции. После хабаровской речи Горбачева первый секретарь крайкома (Черный) провел партактив, где заявил, что не надо торопиться с перестройкой, а затем все, кто жаловался Генсеку, в течение нескольких дней потеряли работу... Местные власти показали Москве ее бессилие. Перехватывают письма в ЦК на почте, крадут гранки из типографий — все это реальные факты, некоторые из коих даже официально были признаны в печати. В итоге — патовая ситуация, причем положение реформистской верхушки явно ухудшается (при том, что ни одна серьезная реформа не проведена). Наиболее умные реформисты, например, — секретарь ЦК Яковлев, поняли, что в такой ситуации единственный шанс усидеть на своем месте состоит в том, чтобы активизировать общественную поддержку реформ. Яковлев поддержи-

вает публикацию романа Рыбакова „Дети Арбата”, где разоблачается Сталин. Ельцин защищал пьесу Буравского „Говори”, посвященную провалу хрущевских реформ... На телевидении передача „12 этаж” ведется с невиданной для нас откровенностью, почти в западном духе.

Между тем никакого общественного подъема в духе 50-х годов нет. В низах копится недовольство и понемногу утверждается мнение, что реформисты наверху не держат слова. Экономическая ситуация продолжает ухудшаться, несмотря на победные реляции ЦСУ, готовящиеся на основе примитивных статистических трюков. Интеллигенция ведет довольно серьезную борьбу по конкретным поводам — например, на съезде кинематографистов впервые в истории союза было избрано руководство, не согласованное заранее с ЦК партии; на съезде писателей произошли тоже некоторые сдвиги, хотя и менее резкие. Тем не менее, это не взрыв надежд, не повторение 1956 г. Просто все осознали свои интересы и по мере сил их отстаивают, не питая относительно системы особых надежд.

По планам Горбачева, как он однажды, в самом начале, признался своему любимому режиссеру Олегу Ефремову, надо было сначала „раскрутить маховик” экономических реформ, а затем провести ограниченную либерализацию в сфере культуры, не выходя, разумеется, за рамки, обеспечивающие сохранение „руководящей роли” и всего прочего. Теперь получается все по-другому.

Во-первых, либерализация „де-факто” уже началась, но проходит на фоне срыва экономических реформ. Она проводится не сверху, а под давлением снизу, в условиях обострившихся противоречий в лагере верхов, из-за чего реформистские круги в ЦК это давление поощряют.

Во-вторых, единой политики, продуманного курса, нет. Каждое решение складывается в результате острой борьбы. Просто в вопросах культуры пока берут верх либералы, а в экономике — правые.

В-третьих, Горбачев все больше утрачивает контроль над ситуацией, причем из-под контроля вышли как антиреформистские, так и радикально-реформистские силы.

В-четвертых, ни одна группа не может четко сформулиро-

вать свой проект, а личный авторитет политических деятелей, возглавляющих все фракции, сравнительно низок — и в обществе и в правящих кругах. У Горбачева появились соперники, претендующие на его пост (не только в рядах консервативно-технократической группы, но и в собственной фракции).

В-пятых, сдвиги происходят медленно, скорее накапливается политическая напряженность, хотя налицо явная возможность радикализации политического процесса и „кризиса верхов” в старом добром ленинском смысле.

ИНТЕРВЬЮ ФЕДОРА БУРЛАЦКОГО

Утром 10 октября группа экспертов, сопровождавших генерального секретаря ЦК КПСС Горбачева в Рейкьявик на совещание с президентом США Рейганом, встретилась с журналистами. Темой беседы были „новые реалии” политической жизни в СССР.

Одним из выступавших был Федор Бурлацкий, заведующий кафедрой философии Академии общественных наук при ЦК КПСС.

После окончания пресс-конференции советских экспертов Бурлацкий согласился дать интервью трем журналистам — корреспонденту Радио Свободная Европа/Радио Свобода (РСЕ/РС) Генри Хамману, корреспонденту лондонской газеты „Файнаншиал таймс” Патрику Кокбурну и московскому корреспонденту миланской газеты „Иль Джиорнале” Фернандо Мезетти. Темой интервью было внутривнутриполитическое развитие СССР со времени прихода к власти Горбачева. Ф. Бурлацкий отвечал по-английски. Магнитофонная запись этого интервью была позже опубликована в бюллетене исследовательского отдела Радио Свобода, с разрешения которого мы печатаем русский перевод этой публикации.

* * *

ХАММАН. Что вы можете сказать о перестройке советского управленческого аппарата?

БУРЛАЦКИЙ. Вы имеете в виду в экономической сфере или вообще?

В октябре 1986 г. впервые присуждалась премия Йиржи Ледерера. Ею был награжден Анджей Ягодзинский (Варшава) за переводы с чешского языка на польский.

Премия Йиржи Ледерера (5. 000 франков) предназначена для поляков, чехов и словаков, способствующих систематическому углублению польско-чешских культурных связей.

Йиржи Ледерер — чешский журналист, внесший огромный вклад во взаимопонимание между народами этих славянских государств. Он умер в эмиграции 12 октября 1983 г.

Премия Йиржи Ледерера будет присуждаться совместным решением редакций польского журнала „Zeszyty Literackie” (Литературные тетради) и чехословацкого журнала „Svedectvi” (Свидетельство). Оба журнала издаются в Париже.